

Наваждение или действительность? (Экскурсия в с. Лыченцы)

№ 21

Нечего и говорить, что, по получении редакцией «Русского Листка» вышеприведённого письма о. Иоанна, я тотчас же собрался ехать в с. Лыченцы, чтобы проверить, по возможности, на месте все описываемые ужасы.

Любопытство моё было возбуждено до крайней степени. С одной стороны, столь торжественная клятва духовного лица и показания многочисленных свидетелей заставляли отвергнуть даже мысль о каком-либо обмане или симуляции. С другой, однако, факты сами по себе были настолько уже сверхъестественны, что ум отказывался, при всём желании, им верить.

Оставалось, повторяю, одно: ехать и увидеть...

Я так и поступил. Пассажиров на Ярославском вокзале, едущих со мною вместе, было очень мало. Всё чаще и чаще повторяющиеся на этой линии случаи железнодорожных крушений, а в особенности последнее крушение, происшедшее в день моего выезда, уменьшили в значительной мере число желающих пользоваться услугами общества М.-Я.-А. железной дороги.

Тем не менее, я не успел ещё усесться в вагоне, как мой ближайший сосед обратился ко мне с вопросом:

— Виноват. Вы, кажется, едете до станции Берендеево. Уж не к отцу ли Иоанну в село Лыченцы с визитом.

— Да.

— О, тогда я вам завидую. Об отце Иоанне теперь только и говорят. Рассказывают удивительные вещи. И я давно уже собираюсь туда поехать...

— Разве что-нибудь новое случилось? — спросил я, крайне обрадованный, что мне попался такой «подходящий» путник.

— И очень много... — отвечал он, заметно оживляясь. — Не дальше, как часа два-три тому назад мне рассказывал один мой знакомый, вернувшийся оттуда, что в последнее время в доме о. Иоанна сверхъестественные явления стали носить очень опасный характер и что как сам несчастный священник с семьёю, так и местное население буквально в панике бежит из этого дома.

Чем дальше мы подвигались, тем разговоры об о. Иоанне становилось оживлённее и принимали более общий характер. Я не предполагал даже, что он пользуется такою широкою популярностью. К нему совершались целые правильно организованные экспедиции из любопытных и учёных. Почта ежедневно приносила десятки писем в с. Лыченцы со всевозможными расспросами и исследованиями. Об этих явлениях знали все на пространстве сотен вёрст.

Интерес экскурсии в моих глазах усиливался с минуты на минуту, и я был несказанно рад, когда утром, в восьмом часу, я прибыл в Берендеево. Отсюда мне нужно было ехать на лошадях — 19 вёрст до гор. Переславля-Залесского и 20 с лишним вёрст до с. Лыченец. Ямщик нашёлся очень скоро, и я уселся в сани.

Стояло чудное зимнее утро. Над землёй, сплошь покрытой белым саваном, носился голубоватый туман. По прозрачно-лазоревому небу плыли нежно-розовые облака. Слегка пощипывал

*Клепацкий, Г. И. Наваждение или действительность? (Экскурсия в с. Лыченцы) / Г. И. Клепацкий // *Русский листок*. — 1901. — № 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29 (22 января; 23 января; 24 января; 25 января; 26 января; 27 января; 28 января; 29 января; 30 января). — С. 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3; 3.

мороз. Снег скрипел под полозьями пошевней. Навстречу нам то и дело попадались целые обозы с лесом, направляемым из лесов Феодоровского женского монастыря в Москву. Ямщик мой разговорился:

— Вот, тут сейчас, — указал он рукою влево, — будет село Ефимиево... В ём живёт сестра о. Иоанна... Так они с батюшкой ездили как-то к о. Иоанну, а теперь сказывают, что больше ни за что туда не поедут...

— Почему?

— Бог их знает... Очинно уж страшно у него, сказывают... Насмерть можно перепугаться.

— Чем же именно?

— Разные, стало быть, явления...

Как я ни добивался более точных ответов, мужик с видимою неохотою отделялся короткими фразами и поминутно осенял себя крестным знамением...

В 10 часов мы прибыли в Переславль, и я, не отдохнув и четверти часа, перешёл тотчас же на других лошадей, чтобы следовать в с. Лыченцы.

Дорога из Переславля в Лыченцы вначале идёт всё время небольшими зигзагами по слегка холмистой местности, с которой открывается живописнейший ландшафт на знаменитое Переславское озеро с ботиком Петра Великого, а затем проходит чрез роскошный еловый и сосновый лес, который тянется на расстоянии 8—9 вёрст вплоть до самого села.

В другое время я, конечно, больше уделил бы внимания описанию красот этой местности, но теперь, поглощённый всецело тем, что мне довелось видеть и слышать в доме отца Иоанна, я опушу эту часть своего рассказа.

Расскажу лишь ещё один инцидент в дороге, показавшийся мне характерным. Я лениво прислушивался к звону бубенчиков и неуважительным отзывам моего ямщика о лыченецком населении, которое будто бы «так и норовит нагреть приезжего», мы уже ехали лесом и я с любопытством рассматривал ясно видневшиеся на снегу заячьи и волчьи следы, как вдруг нам загородил дорогу огромными розвальнями одинокий мужичонко.

— В Лыченцы, — спросил его мой ямщик после того, как они оба в достаточной мере обменялись соответствующими случаю любезностями, — дорога-то прямо?

— Прямо, — ответил мужик и тотчас же прибавил. — Езжайте скорее. У о. Иоанна опять несчастье проявилось...

Я поторопил кучера, и через десять минут мы въезжали уже в богатое село, с очень чистенькой и нарядной церковью и с широкими улицами, по обеим сторонам которых стояли избы типичной русской архитектуры.

Было около двух, когда я, слегка взволнованный, вошёл в ветхий, накренившийся на бок дом о. Иоанна, о котором рассказывается столько ужасов...

№ 22

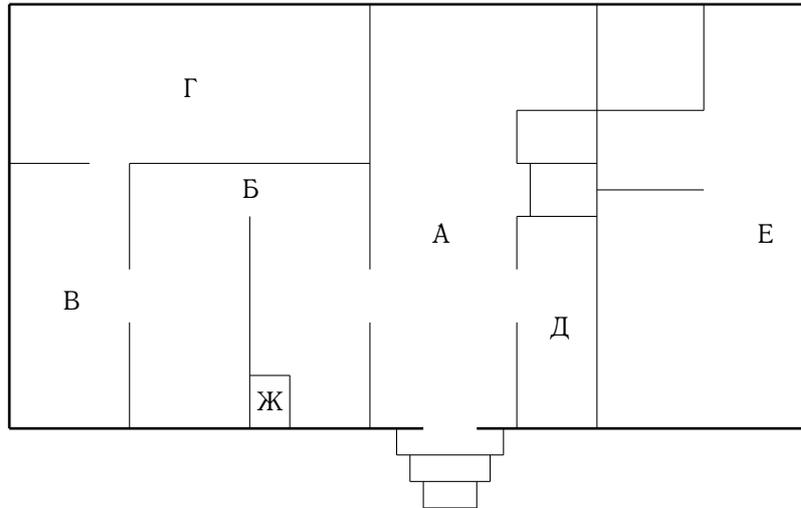
Я назвал дом о. Иоанна «ветхим» только по недостатку более соответствующего выражения. На самом деле, это была жалкая лачуга, которая на свежего человека должна была производить самое удручающее впечатление.

Позвольте мне описать вам расположение комнат внутри. Это тем более необходимо, что при дальнейшем рассказе придётся им руководствоваться для уяснения происходившего.

Из входных, очень узеньких и совершенно тёмных, сеней налево дверь ведёт в квартиру о. Иоанна, которая состоит из трёх комнат. Первая разделена деревянной перегородкой, не достигающей потолка, на две части. Справа у самой стены стоит кровать о. Иоанна. За перегородкой — кровать супруги его, которая спит с грудным ребёнком. В этой же первой комнате помещается небольшая печурка.

Следующая комната с двумя окнами — детская. Здесь на большой кровати спят старшие дети о. Иоанна вместе с 14-летней нянькой. Из детской дверь налево ведёт в гостиную и столовую в то же время. Неизвестный архитектор почему-то украсил эту комнату самых микроскопических размеров четырьмя низкими окнами с двойными рамами, и поэтому здесь зимою страшный холод. *Форточек в окнах нет, и пробраться туда извне даже одному человеку нет никакой возможности иначе, как высадив обе рамы.* Окна плотно замазаны.

Из сеней направо ход в кухню. В совершенно тёмном коридорчике, где нельзя разойтись двум людям, крутая, качающаяся из стороны в сторону лесенка ведёт на чердак. Самая кухня — едва ли не лучшая комната во всём доме. Здесь раньше помещалась только прислуга, но

А — Входные сени. Б — Спальня о. Иоанна; за перегородкой спальня его жены. В — Детская.
Г — Гостиная и столовая. Д — Коридор, ведущий в кухню с лестницей на чердак. Е — Кухня.
Ж — Печь, где наблюдались таинственные явления.

затем, когда производилось исследование, и в доме днём и ночью находились понятия, сюда переселилась вся семья о. Иоанна.

Ещё два слова об убранстве комнат, и я уже не стану к этой части рассказа возвращаться.

Представьте себе, что кто-нибудь, по какой-нибудь фантазии, захотел бы произвести в доме возможно больший беспорядок. Не только мебель и всю домашнюю утварь, но и бельё из комодов и шкафов, всевозможные тряпки, грязные пелёнки, совершенно ненужные лохмотья он разбросал по полу, развесил на спинках поломанных стульев, на углах столов, на оконных рамах. Затем, для полноты эффекта, посыпал песком, золой и грязью пол. Вымазал и загрязнил окна. На кроватях свалил в одну кучу всякое добро.

Вот вам и точная фотография того, что царит в доме о. Иоанна...

Первое впечатление моё, при таких условиях, когда я только переступил порог первой комнаты, было самое тяжёлое. Неприятно было, в самом деле, смотреть на эту грязь, на эту картину полного разрушения. Я невольно поморщился.

— Дома о. Иоанн? — спросил я пустое пространство.

Послышались чьи-то тяжёлые шаги в через минуту ко мне вышел очень высокий и худой священник с всклокоченными волосами, с бледным лицом и с глубоко ввалившимися глазами, под которыми лежали тёмные круги.

Я объяснил цель своего приезда. Он выслушал меня внимательно и затем молча, каким-то очень медленным жестом, пригласил меня в гостиную.

— Смотрите на меня, — сказал он очень тихо, — и дивитесь моему виду... Седьмые сутки не смыкаю глаз... Устал очень...

— Разве что-нибудь опять было?

— Да... Несколько дней подряд явления стали повторяться...

— Расскажите, батюшка, всё поподробнее...

Он на минуту как бы задумался, а затем, тем же тихим голосом, по временам с искажённым от ужаса лицом и дико сверкающими глазами, так начал свой рассказ.

Я притаил дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова...

№ 23

«И в протоколе дознания, произведённого о. благочинным, и в протоколе старшего чиновника особых поручений при г. владимирском губернаторе описаны только те явления, которые происходили в моём доме с 10-го по 21-е ноября прошлого года и которые подтверждены многочисленными свидетельскими показаниями. Но там не упоминается вовсе о предшествовавших

этим явлениям обстоятельствах и о позднейших явлениях, которые дважды повторялись в декабре. Вам я всё это расскажу, возобновляя прежнюю клятву. Как чиста горящая свеча перед образом Господа Нашего, так чиста в сём деле и моя иерейская совесть...»

«Должен вам заметить, что в этом самом доме, где вы сейчас находитесь, и живу уже 11 лет с лишним. Выстроен же он лет тридцать тому назад. Таких страшных явлений, какие имели теперь место, до того здесь никогда не было. Изредка слышались, правда, какие-то непонятные постукивания в разных концах дома (что, между прочим, свидетельствует и мой предшественник), но, может быть, эти явления только потому и казались непонятными, что не были точно исследованы и проверены... Начало всех ужасов, как я глубоко убеждён, относится или совпадает как раз с тем временем, когда мою прежнюю служанку засадили в тюрьму. Наказание это ей было присуждено за кражу, совершённую у меня в первый день праздника Святой Троицы. Воспользовавшись тем, что я служил в церкви обедню, а семья моя тоже отсутствовала из дому, она пробралась через открытое окно в комнаты и похитила разных вещей на сумму около 50 рублей. Вещи были вскоре найдены и виновность её подтверждена свидетелями. Тем не менее, она упорно отрицала свою вину, несмотря даже на моё торжественное обещание простить её, если она сознается. Перед вступлением приговора в законную силу она, как говорят, бегала к каким-то местным «колдунам», о чём-то с ними совещалась, а затем громко говорила на селе, что в день Покрова со мной должен случиться «смех и грех». И действительно, произошло нечто в этом роде. Как теперь помню, мы отправились втроём — я, матушка и здешняя учительница г-жа Ножевникова — на тележке в соседнее село в гости. Только мы въехали в лес, как вдруг из-за кустов, где раньше ничего не было заметно, к нам навстречу сам собою стал подвигаться огромнейших размеров шест. Лошади шарахнулись в сторону, обе женщины перепуганы были до крайности. Погнав лошадей, я старался, как можно, успокоить своих спутниц. Но не прошло и десяти минут, как мы снова были ещё более перепуганы целыми потоками ослепительного пламени, которые неслись из-за кустов сбоку. Гигантских размеров костёр горел в глубине леса, хотя возле него не видно было ни одной живой души. В то же время тележка, в которой мы ехали, по непонятной причине сразу приподнялась на передние колёса, став почти отвесно. Я вместе с г-жой Ножевниковой полетел через лошадей в огромную лужу грязи и положительно весь выкупался, а г-жа Ножевникова набрала грязи полные ботинки. Между тем, матушка осталась совершенно целой и невредимой и продолжала, как ни в чём не бывало, сидеть в тележке. На другой день мы узнали, что в лесу накануне никто не думал даже разводиться костёр»...

Сообщённый факт настолько казался мне невероятным, что я попросил о. Иоанна пригласить г-жу Ножевникову. Через минуту она входила уж в комнату. В выражении её лица, в жестах, в походке я, при самом внимательном рассматривании, не заметил ничего такого, что могло бы до известной степени вызвать в уме предположение о действии в данном случае гипноза. Только под глазами её виделись большие тёмные круги и рука слегка вздрагивала. В остальном это была типичнейшая деревенская учительница — одно из тех незаметных существ, которых на Руси десятки тысяч, о которых мало кто помнит и которые тихо делают своё маленькое, но святое, доброе дело.

— Вы хорошо помните происшествие в лесу, когда вы ехали с о. Иоанном и матушкой в гости? — спросил я её и тотчас же перевёл глаза на о. Иоанна. Он даже не смотрел на г-жу Ножевникову.

Г-жа Ножевникова точь-в-точь повторила только что приведённый рассказ. Я спросил её, как она себе объясняла этот случай в лесу после.

— Никак... — следовал довольно лаконичский ответ. — Знаю только, что я была очень перепугана и затем болела. Почему и что это такое случилось — я ничего не понимаю и до сих пор...

О. Иоанн продолжал, между тем, прерванный на минуту рассказ. После описанного случая в течение нескольких ночей подряд во всём доме раздавались какие-то странные постукивания в разных местах, над притолокой входной двери из сеней слышалось царапанье, по временам доносились чьи-то стоны и вопли. Во всех комнатах в продолжение целой ночи горели лампы. Семья поминутно вздрагивала и в ужасе прислушивалась к доносившимся извне звукам. О сне не думали даже самые младшие дети. Несколько раз на совершенно отчётливый стук в дверь о. Иоанн спрашивал: «Кто там?», выходил со свечой в сени, обшаривал все углы, но никого не находил. Как только наступала ночь, страх леденил сердца несчастных обитателей этого дома. Входную дверь заставляли чем только попало. Устраивали целые баррикады, потому что

стали ясно различать, как кто-то ломится в дверь. За несколько так проведённых ночей вся несчастная семья измаялась вконец.

И вдруг 16-го ноября явления возобновились уже днём с удвоенной-утроенной силой, на глазах целой толпы свидетелей.

— Господу Богу одному известно, как прожили мы этот день... — говорит о. Иоанн, вспоминая про 16-е ноября и осеняя себя крестным знамением...

№ 24

Таинственные явления, по свидетельству о. Иоанна, 16-го ноября и в последующие дни обыкновенно начинались около 12 часов дня и продолжалась с самыми незначительными промежутками вплоть до сумерек. 16-го ноября, после проведённой без сна ночи, вся семья собралась погреться у печки, которая, как я сказал выше, помещалась в первой же комнате, обращённой в спальню о. Иоанна и его супруги. Всем известно, что борова в печи — в особенности в деревенской печи — идут ломаной линией через всю почти ширину печи. Следовательно, не могло быть и речи о том, чтобы кто-нибудь с чердака ли, или же изнутри из самой комнаты позатыкал все эти борова совершенно плотно разной домашней рухлядью. Кроме того, перед затопкой прислуга всегда смотрит, открыты ли вьюшки. Так было, конечно, и на этот раз. Дрова в печи спокойно горели, вся семья сидела тут же, как вдруг, едва только 14-летняя нянька подбросила, по приказанию о. Иоанна, дров, из печки повалил целым клубом едкий, смрадный дым. Этот дым мгновенно окутал непроницаемым слоем всех сидевших перед печкой, погрузил в темноту всю квартиру. О. Иоанн в ужасе бросился из комнаты на чердак, прислуга в присутствии матушки открыла затворку перед вьюшками. Все были поражены до крайности, когда заметили, что вместо вьюшек дымовое отверстие плотно накрыто какой-то овчиной, мешком, войлоком и массой других предметов. Печь вскрыли, и тут то же внутри борова, нашли массу разной рухляди. Спустя некоторое время то здесь, то там во всём доме оказывались разбро- санными половики, мешки, попоны, пелёнки. Предметы, которые только что стояли на глазах у всех присутствующих, вдруг исчезали и затем отыскивались в самых потаённых углах дома.

На другой день стали происходить ещё более странные явления, но уже на глазах и посторонних совершенно лиц. Когда г-жа Ножевникова сидела за столом с матушкой, огромных размеров камень ударился с страшной силой в стену, хотя никого кругом не было. Из печи вдруг повадило пламя, хотя трубы были закрыты. Отворяли дверцу и нашли там груды горящих шерстяных платков и моток ниток, перевитый проволокой. Мне показывали этот моток: будучи в сильном пламени, он перегорел только в одном месте. Опять исчезали вещи и затем оказывались затасканными то в ушат с водой, то под кровати. Ручки дверей, на глазах каких-нибудь 200—300 человек, опутывалась в одно мгновение разными тряпками и с чрезвычайно сложными узлами. Как я убедился лично, для того, чтобы перевязать приблизительно так одну ручку, потребовалось бы времени не меньше 1½—2 минут. На всех напала безумная паника. Со слезами на глазах семья и народ умоляли о. Иоанна отслужить молебен, поднять иконы и окропить дом святой водой. Едва только о. Иоанн кончил служение и ушёл с семьёй в кухню, оставив в доме двух понятых, произошло ещё более страшное явление.

Если читатели припомнят, я говорил уже, что в гостиную извне можно пробраться только высадив двойные, плотно замазанные рамы. Здесь в углу, между двумя крайними стенками, помещается небольшой круглый столик, на котором стоит икона и где о. Иоанн всегда кладёт после богослужения Евангелие, крест и требник, завёрнутые в епитрахиль. То же он сделал и в этот день после молебна. Выходя из гостиной, он закрыл двери. Подле дверей тотчас же поставлены были двое понятых. Как вдруг, спустя две-три минуты, понятые в ужасе от какого-то стука бросились к о. Иоанну. Когда открыли дверь, то увидели, что епитрахиль точно чьими-то невидимыми руками разостлана ровно на полу, крест лежал посредине распятием к иконам, Евангелие рядом, а требник отброшен в сторону.

Я присил о. Иоанна вызвать этих понятых, и они в моём присутствии ещё раз самыми торжественными клятвами засвидетельствовали правильность этого показания. Один из них — если не ошибаюсь, сторож Орлов — весь бледный и дрожащий, показал мне наглядно, как лежали на полу эти священные предметы. Впечатление, однако, Орлов произвёл на меня невыгодное: он как-то слишком быстро, не дожидаясь даже окончания вопроса давал мне ответы. Может быть, впрочем, эта торопливость происходит у него от слишком частого повторения одного и того же рассказа...

Трудно, по словам всех свидетелей, с которыми мне пришлось беседовать, перечислить все те странные и непонятные явления, которые происходили в доме о. Иоанна в течение пяти суток. Бывали, например, случаи, что платье, висевшее на глазах всех на вешалке, вдруг рвалось сверху донизу. Я видел одно из этих платьев: это очень плотная шерстяная юбка, *разорванная неправильными зигзагами не по швам*. Нужна очень большая, почти геркулесовская сила, чтобы разорвать её *именно так* руками. Мне показывали ещё верхнюю, так называемую выходную, кофточку жены фельдшера. Эта кофточка разорвана тоже очень неправильным зигзагом.

Рассказывая все эти ужасы, о. Иоанн был сильно и заметно взволнован. Я дал ему немного успокоиться, а затем сказал:

— Продолжайте, батюшка...

И речь его о странных явлениях снова полилась плавно, методически...

№ 25

«Терпеть дольше всё это, — говорил о. Иоанн упавшим голосом, — у меня, наконец, не хватило сил. Я не мог выносить этих бессонных ужасных ночей, я устал от этих бесконечных тревожений, у меня переболело сердце при взгляде на мою несчастную семью. 20-го ноября после целого ряда самых непостижимых явлений в моём доме я решил послать телеграммы: владыке — высокопреосвященному Сергию и досточтимейшему о. Иоанну Кронштадтскому, прося их помолиться «о храмине, стужаемой от духов злобы». После этого все мы сразу же почувствовали значительное облегчение. Даже явления в самое короткое время ослабли. Как вдруг на смену прежним моим мучениям явились новые. Ко мне в дом прибыл становой пристав. Я в то время находился в гостиной, где перед образами читал вечернюю молитву. Несмотря на это, г. пристав прямо подошёл ко мне сзади и громко окликнул меня: «Батюшка!» Я не отвечал, и он ещё громче сказал: «Батюшка!» Когда я кончил молитву, то обратил его внимание на неуместность подобного поведения. Он даже и не думал извиниться, а довольно резко перебил меня:

— Что это у вас здесь за чудеса происходят? Это всё проделки вашей прислуги. Сейчас мы всех этих чертей повыгоним...

На это я ему опять заметил, что так ко мне, священнику, и к моим иерейским показаниям, без проверки их, ему не следовало бы относиться.

— Ну, в таком случае, — заключил он коротко, — я вам скажу, что все эти явления — лунатизм или спиритизм...

— Не знаю, — говорю, — ни того, ни другого... А вот прошу вас лучше опросить свидетелей и произвести дознание...

Не успели мы ещё кончить наш разговор, как вдруг, по непонятной причине, исчезли фуражка г. пристава и моя шапка, а перед дверями оказались разбросанными тряпки. Г. пристав очень рассердился:

— Это всё проделки прислуги. Чтоб мне сейчас же была моя фуражка!.. — сказал он повелительно...

— Ну, и что же? — перебил я на минуту своего собеседника, — нашлась его фуражка?

— Нашлась долгое время спустя... Вообще, должен вам заметить, что с посторонними лицами в моём доме всегда происходили явления в этом роде...

— Позвольте мне, в таком случае, батюшка, — сказал я как-то неожиданно для самого себя, — перенести сюда, в гостиную, моё пальто и шубу...

— Пожалуйста... — сказал о. Иоанн просто и затем, когда я исполнил то, о чём просил, — продолжал:

«Не стану вам рассказывать, что происходило на дознании, но факт тот, что вскоре после этого мне пришлось очень и очень скорбеть душевно. В то время, как моя иерейская совесть была так же чиста, как чиста горящая свеча перед Господом Нашим, до меня стали доходить стороною слухи о том, будто меня на селе называют пьяницей, будто я сговорился с прислугой дурачить людей, и прочее и прочее. Что мог я поделать? Безропотно приять ещё и сей крест, веруя, что истина рано или поздно обнаружится... Хмельного я в рот не беру, с крестьянами, моими прихожанами, я всегда жил в ладу, не делал им никакого зла и был ими всегда любим.

Спросите на селе.¹ Приход мой считается достаточным, и я никогда ни перед кем не ходатайствовал о переводе в другой приход. То село, куда я теперь перееду, беднее с. Лыченец. Спрашивается: за что же на меня сия клевета? Чем я её заслужил?..»

На глазах бедного деревенского священника навернулись слёзы и голос его дрогнул. Эта первая и несомненно искренняя жалоба, которую мне пришлось слышать из его уст, возбуждала невольное сочувствие, и я, как можно ласковее, старался его успокоить.

— Ещё большая поддержка для меня, — продолжал он через минуту, — доверие ко мне преосвященного владыки и о. благочинного. Владыка, когда я всё ему рассказал, сложил на груди руки и молвил мне: «Брат мой, иди с миром, я тебе верю». Эти слова будут мне утешением на всю жизнь. Без них я бы упал совершенно духом, в особенности теперь, когда явления в моём доме стали носить очень опасный характер... Не веруй я твёрдо, я, кажется, сошёл бы с ума...

— Что же именно *теперь* случилось?

— А вот что...

№ 26

— Я говорил вам, кажется, уже о том, — продолжал о. Иоанн, — что к ночи обыкновенно страх наш усиливался. Не могу вам в точности объяснить причину этого страха: может быть, он появлялся благодаря напряжённому состоянию нервов в течение целого дня и этим странным постукиваниям в разных частях дома ночью. Может быть, он происходил оттого, что мы постоянно находились в ожидании чего-то неизвестного, страшного. Факт, во всяком случае, тот, что мы нередко с матушкой срывались, как безумные, с постели, хватались за ручку входной двери и тащили её изо всей силы к себе, стараясь таким образом не пустить кого-то, кто был там, за дверью, и совершенно забывая, что дверь на засове и заставлена целой грудой разной рухляди...

Так вот, в одну из таких ночей, когда я дежурил один, потому что матушка находилась в последнем периоде беременности, я с ужасом — не буду говорить, каким безумным ужасом, — стал замечать, что в двух шагах от меня в лёгком облаке или тумане какая-то странная фигура с нечеловеческим образом делает мне знаки рукой, манит меня к себе. В течение нескольких минут, дрожа, как в лихорадке, с холодным потом на лбу, я всматривался в эту призрачную фигуру. Лампы горели во всём доме. Я несколько раз протирали глаза, ощупывал себя, мысленно убеждал себя, что это обман зрения, что я брежу. Увы! В конце концов я должен был сознаться, что явление существует на самом деле, хотя оно и сверхъестественно. Творя усердную молитву и осеняя себя крестным знамением, я имел ещё настолько мужества, что не разбудил семью, а тихонько прилёг на постель. Вдруг я вскочил, как ужаленный. Тут же из-под меня на моих глазах выбежал не то заяц, не то маленькая обезьяна...

— Ну, батюшка... — не удержался я, чтобы не перебить своего собеседника: — это уже положительно у вас кошмар был или галлюцинация... Даже по характеру своему это описание напоминает мне бред человека, нервно потрясённого...

— Я ожидал, что вы это скажете... — спокойно отвечал о. Иоанн. — И, однако, клянусь вам всем, что для меня дорого в этой и загробной жизни, я говорю вам сущую правду: *я не спал и не бредил, потому что совершенно ясно рассуждал...* Но слушайте, что дальше было...

«Успокоившись немного, я опять лёг на постель. Глаза у меня были полузакрыты. Чувство страха снова стало леденить моё сердце. Я ощущал ясно, что рядом со мною лежит что-то огромное, бесформенное, мясистое, отвратительное. Я боялся повернуть в эту сторону голову, потому что чувствовал, что умру на месте, если это существо увижу. Осторожно, не торопясь я подвинул свою левую руку в эту сторону. Моя рука подтвердила мне то, в чём я был уверен. Она ощупала, действительно, какую-то грубую массу. С усилием я поднял часть этой массы и положил себе её на грудь. Затем быстро открыл глаза: *на груди моей лежала моя правая рука, которая неподвижно всё время лежала вдоль моего туловища, сжимая постельное бельё...* Если вы и это назовёте кошмаром, то мне остаётся рассказать вам ещё одно явление, которое вас разубедит окончательно, и которое произошло вскоре после предыдущего.

¹ Автор этого очерка может засвидетельствовать лично, что о. Иоанн пользуется большим уважением и любовью не только населения с. Лыченец, но и окрестных сёл.

Дети, как вы видели сами, спят в соседней комнате. Бедные, измученные и перепуганные не менее нас, они спали в эту ночь крепким сном. Вдруг в двенадцатом часу ночи они все проснулись сразу и диким криком огласили мёртвую тишину дома. Мы с матушкой бросились к ним. С расширенными от ужаса зрачками, с искажёнными личиками они лежали неподвижно. У каждого на шейке лежал столовый нож. Все приборы наши перед отходом ко сну матушка, по обыкновению, спрятала в буфетный шкаф и заперла на ключ...

— Чем же вы, батюшка, объясняете все эти явления? — обратился я, заинтересованный до крайней степени, к о. Иоанну и ту же просьбу повторил г-же Ножевниковой...

№ 27

О. Иоанн на минуту задумался, а затем, как-то беспомощно разведя руками, сказал:

— Мне постоянно задают вопрос о причинах явлений, и — право же — он кажется мне, по меньшей мере, странным. Ну, как, в самом деле, я — простой деревенский священник, не искусившийся в тонкостях современных теорий о всяких там спиритизмах, гипнотизмах и прочем — могу разрешить столь сложную загадку? Как, вообще, объяснить необъяснимое. Я знаю и повторяю лишь одно: вера моя тверда и совесть чиста перед Господом и людьми. Об обмане с моей стороны не может быть и речи, за семью и прислугу я мог бы поручиться. Кроме того, многие явления, о которых я вам говорил, исключали всякую возможность участия человеческих рук. Ни один человек не умудрится позатыкать в печные борова целые мешки и овчины, ни одна рука даже самого закоренелого преступника не дерзнёт бросить на пол крест и святое Евангелие. А ведь тут у нас на селе народ набожный, богомольный, и преступников я, по крайней мере, не знаю, хотя живу в приходе одиннадцать лет с лишним. При таких условиях, что могу я сказать о причинах самых явлений? Они мне непонятны, и в них я вижу наказующий перст Провидения за мои грехи...

— Я ещё меньше о. Иоанна понимаю... — отозвалась сидевшая в углу учительница г-жа Ножевникова: — Во всяком случае, эти явления кажутся мне сверхъестественными...

На дворе уж давно спустились сумерки, и в комнату, в которой мы сидели втроем, внесли зажжённую лампу. О. Иоанн тотчас же бросился к своему письменному столу и торопливо стал шарить в разбросанных здесь и там бумагах:

— Тут у меня, — пояснил он: — теперь страшный беспорядок. На этих днях, как я вам сказал, мы переезжаем в другое село, и часть вещей уже туда отослана. Однако вот вам не угодно ли посмотреть, сколько я получаю писем с запросами о происходивших в этом доме явлениях...

И о. Иоанн с этими словами протянул ко мне весьма объёмистую пачку писем.

— Здесь вы можете найти письма от лиц самых разнообразных сословий и званий, начиная с почтово-телеграфных чиновников «XIV класса и низшего оклада» и кончая «докторами экспериментальной психологии». Все они, видимо, очень интересуются происходившим в моём доме, всячески стараются уяснить себе эти явления и душевно мне и моей семье сочувствуют. За это им большое спасибо. Но вопросы, которые они мне предлагают, очень часто — нужно отдать им справедливость — смешны, а то и просто нелепы. Ну вот, например, не угодно ли вам? Один именно доктор экспериментальной психологии спрашивает меня, нельзя ли было проникнуть в гостиную, где происходили явления, через окна, со двора? Ну, разве все мы уж такие недогадливые и несообразительные, что на такое простое обстоятельство не обратили с самого начала внимания? Ведь это догадался бы сделать и маленький ребёнок... Или, например, спрашивают меня, не носили ли эти явления спиритического характера? Да почём я знаю, спиритические ли они или не спиритические?!.. И всё в том же роде. Ну, конечно, у меня не хватает времени отвечать на эти послания и заводить переписку. И без того у меня есть свои обязанности. Вначале я ещё уделял время переписке, а теперь больше не могу: измаялся больно, хочу отдохнуть.

В последних словах о. Иоанна слышалась действительно усталость — физическая и нравственная. Я взглянул ещё раз внимательно на его лицо, освещённое теперь лампой, и мне от души его стало жаль. Это бледное, исхудалое лицо, с огромными кругами под глазами, бесспорно свидетельствовало не об одной бессонной ночи, оно ясно указывало на те душевные муки, которые пришлось пережить бедному священнику. А тут ещё эта грязь в квартире, эти ободранные обои, эти пелёнки, валявшиеся повсюду. Мне очень хотелось верить, что, действительно, на эту несчастную семью обрушилась одна из тех необъяснимых бед, перед которыми

бессильны ум и воля. С другой стороны, однако, мозг, привыкший работать в одном и том же позитивном направлении, категорически отвергал элемент сверхъестественного во всём том, что мне пришлось здесь слышать.

Эта раздвоенность мучила меня, не позволяла мне больше оставаться в доме о. Иоанна. Притом было уж поздно. Заговорившись об этих странных явлениях, я и не заметил, как надвинулась ночь — лунная, морозная, северная ночь...

№ 28

Напутствуемый пожеланиями всяких благополучий о. Иоанна и его семьи, провожавших меня до самого крылечка, я уселся в сани, и мы доброй рысью тронулись в путь. Самую неприятную часть последнего составлял, конечно, лес, о котором я говорил в начале своего очерка. Но меня несколько утешала мысль, что на дворе было совершенно светло, а с другой стороны, вся «чертовщина» осталась там, назади...

Ровно в 12 часов ночи мы въехали в лес. Нас сразу объяла таинственная, ничем не нарушаемая тишина. Луна с морозного безоблачного неба скользила по верхушкам деревьев, облепленных толстым слоем снега, ярко освещала узкую, вьющуюся лентой дорожку, то здесь, то там, в глубине леса, обнаруживала небольшие, точно погружённые в задумчивость прогалины, кладя на всё печать чего-то фантастического, необыкновенного...

Я невольно залюбовался этой волшебной картиной и потому только теперь мог заметить, что ямщик мой, поминутно осеняя себя крестным знаменем и шепча молитвы, возится с чем-то, находящимся у него в ногах. В то же время лошадь начала пугливо озираться по сторонам и похрапывать.

— Что это? — спросил я у ямщика, инстинктивно вынимая из бокового кармана пальто револьвер.

— Волки, сударь... — отвечал он несколько испуганным голосом: — их тут в этом лесу страсть как много... чай, давеча, когда ехали к о. Иоанну, следы-то видели?

— Прекрасно. А что же это у тебя в ногах, с чем ты возишься?

— Это собачонка... Я её захватил на всякий случай...

— Зачем? Что же она тебе поможет?

— А так... Ежели, стало быть, будут сильно надоедать, выбросим её...

При последних словах он расхохотался глупым, бессмысленным смехом, но тотчас же спохватился и прибавил прежним серьёзным тоном:

— Вот, послушайте-ка...

Я насторожил уши и через несколько секунд из глубины леса до слуха моего долетел однообразный жалобный звук, сильно напоминавший вой большой дворняги. Этот вой то умолкал на минуту, то слышался отчётливее, казалось, на очень близком расстоянии. Лошадь, несмотря на глубокий снег и массу ухабов, неслась очень быстро. Я выстрелил из револьвера в воздух, а она понеслась ещё быстрее.

— Вот... вот, смотрите, барин... — вдруг быстро заговорил ямщик и, повернувшись на козлах, кнутовищем указал мне на какую-то тёмную массу, двигавшуюся между деревьев: — выстрелите, барин, ещё раз...

Расстояние, отделявшее меня от этой массы, равнялось каким-нибудь 30—40 шагам, и я, конечно, и не думал прицеливаться. Я просто в этом направлении произвёл быстро, один за другим, два выстрела, и тёмная масса опростелом бросилась в лесную чащу. Ямщик повеселел.

— Ишь как утёк проклятый... А здоровый какой, шельма... — сказал он, вполне довольный, но несколько минут спустя быстро нагнулся, схватил лежавшую у него в ногах собачонку за шею, выбросил её в снег и изо всей силы ударил кнутом по лошади.

Всё это было сделано так неожиданно и быстро, что я не успел помешать этой ненужной жестокости.

— Ничаво... — огрызнулся он, видимо, недовольный мною: — Кабы это ваша лошадь была, сударь, вы небось и шубу свою выбросили бы...

Остальной путь совершён был без всяких происшествий, и, садясь в 2¹/₂ часа ночи на станции Берендеево в скорый поезд, я решил в дороге же заняться подведением итогов этой любопытной экскурсии.

Этими итогами я и поделюсь теперь с читателями.

№ 29

Разбираясь во всём этом сложном материале, который мне принесла с собою экскурсия в с. Лыченцы, я неизбежно должен был придти к следующему вопросу:

— Как следует отнестись к таинственным и непонятым явлениям, имевшим место в доме о. Иоанна?

Ответ здесь мог быть двоякий: либо верить безусловно *всему*, что рассказывалось на этот счёт о. Иоанном и подтверждалось многочисленными свидетельскими показаниями, либо так же категорически и бесповоротно *всё* отвергнуть.

Какие факты и обстоятельства были в моём распоряжении в пользу первого решения? Торжественная иерейская клятва о. Иоанна, — клятва, которую едва ли дерзнул бы произнести ложно хотя бы один из священнослужителей на Руси; отсутствие в данном случае какой-либо корыстной цели (достаточный приход, одиннадцатилетнее пребывание в нём, любовь местного населения, невозбуждение ходатайств ни о постройке нового дома, ни о переводе в другой приход); отсутствие той же цели в свидетелях, дававших показания по этому делу; те вещественные доказательства, которые сохранились у о. Иоанна и показывались мне, равно как и другим лицам, производившим расследование по этому делу; физическая невозможность симулировать некоторые явления со стороны прислуги и посторонних лиц, бывших в доме о. Иоанна (печные борова, заткнутые разной рухлядью, моток ниток, не сгоревший в пламени, и прочее) и, наконец, отсутствие признаков какой-либо стачки между свидетелями столь различных категорий, или же гипнотического влияния, которое бы продолжалось на протяжении полутора месяца.

Что могло мне говорить в пользу второго решения? Только два обстоятельства: в течение нескольких часов моего пребывания в доме о. Иоанна явлений не было, да сверхъестественность и необыкновенность самих явлений

Таким образом, взвешивая хладнокровно аргументы за и против, я должен был как будто признать, что *все эти явления были*. Где же их причина или первоисточник? Соблюдая хронологию, пришлось бы допустить, что явления эти тесно связаны с осуждением в тюрьму прислуги, обокравшей о. Иоанна в день святой Троицы и затем предвещавшей в туманных выражениях описанные явления. Что на земле есть странные человеческие существа с огромной *внутренней* силой, которые в зависимости от доброй или злой воли могут вызывать, действительно, непонятные явления, — это, кажется, в достаточной степени засвидетельствовано многочисленными и серьёзными путешественниками по Индия и восточным странам, всевозможными и упорными легендами, которые держатся в народе разных стран и национальностей. В этом случае пришлось бы допустить, что служанка о. Иоанна принадлежала именно к разряду таких существ, что нас очень мало приближало бы к разрешению самой загадки. При том, отчего же раньше никто не замечал за этой служанкой сверхъестественных способностей, почему она сама на селе всем рассказывала, что бегаёт за советами к волшебникам и колдунам? Отсутствие в данном случае гипнотического, так называемого массового внушения я, несмотря на свои скромные познания в этой области, доказал, кажется, с достаточной наглядностью. Опытов в этом роде, засвидетельствованных по всем требованиям положительной науки, в литературе очень много. Но все они, насколько мне помнится, производились в течение известного, сравнительно очень незначительного, промежутка времени и имели воздействие только на толпу, которая *находилась на месте с самого начала явления*. Всякое постороннее, так сказать, свежее лицо, приходившее не к началу, никакого странного явления не видело и искренне удивлялось, выслушивая об этом рассказы присутствующих. В описанных выше случаях, как я уже говорил, дело происходит в разное время, с менявшеюся толпой, на большом протяжении времени, вещественные доказательства показывались лицам совершенно посторонним, приехавшим издалека.

То же следует сказать и по поводу применения к данным обстоятельствам так называемого спиритизма. Ни в специальной литературе, ни в многочисленных рассказах о спиритических явлениях, ни на опытах, на которых мне приходилось присутствовать лично, я не сталкивался с такими явлениями, как, например, рассказанный о. Иоанном случай с печными боровами, мотком ниток, с повозкой в лесу, с ножами, очутившимися из запертого ящика комода на шее у детей.

Остаётся, наконец, ещё одно «объяснение», очень мало исследованное и известное пока только понаслышке. Это так называемое массовое помешательство, когда в известной местности у всего населения появляется острая мания, навязчивая *idée fixe*, заставляющая бежать

в паническом ужасе старого и малого оттуда. Нужно ли говорить, что к данному случаю и это объяснение неприменимо? Лица, с которыми мне приходилось говорить о странных явлениях в доме о. Иоанна, производят впечатление совершенно нормальных людей.

Где же, в конце концов, истина, где причина? Увы! На этот вопрос мне остаётся ответить классическими словами:

«Друг Горацио, много есть вещей на свете, которые и не снились нашим мудрецам...»

Пусть мы пока не в состоянии объяснить их себе, но ознакомиться с ними всегда интересно.

Дон-Базилио.

Автор — Генрих Иосифович Клепацкий. Псевдоним раскрыт по Масанову. — *Ред.*